

3.3. Мухина

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВДОВЫ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности гражданско-правового положения вдовы в русской крестьянской среде, а также ее обычно-правовое положение как с точки зрения правовых, так и историко-этнографических наук. В ходе исследования этой темы автором отмечены те изменения, которые внесла в пореформенное время модернизация, затронувшая все стороны сельской общинной жизни. По проблеме положения вдовы в крестьянском социуме отсутствуют обобщающие историко-этнографические работы, и в данной статье делается попытка в некоторой степени восполнить этот пробел. Изменения пореформенного периода в первую очередь затронули Санкт-Петербургскую губернию и губернии Центрального промышленного района. Поэтому в качестве главного источника автором взяты недавно введенные в научный оборот этнографами соответствующие материалы архива Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, поскольку не существует более полных и систематических сведений о жизни русского крестьянства конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: История, женщина, крестьянка, вдова, официальное право, обычное право, наследство, брак, традиция, новация

Вдовы представляли особую категорию женщин в крестьянском мире. Согласно О.М. Вербицкой, которая использовала материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., среди женского сельского населения вдовы составляли 7.8 %, а на замужних женщин приходилось 40.1 %, при этом мужчин-вдовцов было 3.4 %¹. Б.Н. Миронов приводит данные по Европейской России, по которым на вдов в 1897 г. приходилось 8 % сельского населения, доля мужчин-вдовцов была вдвое меньше – 4 %². Эти данные можно сравнить с результатами переписи по отдельным губерниям. Для сравнения автором были взяты две губернии Центрального промышленного района – Владимирская и Ярославская, а также находящаяся в Черноземье Орловская губ. Во Владимир-

ской губ. на вдов приходилось 10.7 % женского населения³; в Ярославской губ. среди сельского населения вдовы составляли 12.3 %⁴, в Орловской губ. – 9.7 %⁵. Вдовство представляло заметное явление деревенской жизни, оказывавшее влияние на все ее стороны.

Во всех славянских языках «вдова» (др.-русск. *въдова*, *вьдова*, русск. *вдова*, *вдовка*, *вдовина*, польск. *wdowa*, чешск. *vdova*, словац. *vdova*, *vdovica*, сербск. *удовица*, болг. *вдовица*) означала жену, потерявшую мужа⁶. Изменение семейного положения женщины

¹ Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897-1959 гг. М.-Тула, 2009. С. 65.

² Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000. С. 178.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. VI. Владимирская губерния. Тетрадь II. 1904. С. V-VI.

⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. L. Ярославская губерния. 1904. С. VII.

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXIX. Орловская губерния. 1904. С. VIII-IX.

⁶ Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 2006. С. 101-102.

после смерти мужа – переход в состояние вдовы – влекло за собой изменение ее статуса в правовом, отношении. Это закономерным образом следовало из самого устройства традиционного крестьянского социума, где доминировали жесткие причинно-следственные связи: из изменения положения в каком-нибудь одном аспекте неизбежно следовало изменение во всем остальном.

Вопрос о правовом положении вдовы крайне сложен и его весьма затруднительно свести к каким-либо определенным и точным положениям⁷. В то время имелось две формы законодательства: официальное гражданское право и народное обычное право, причем последним часто руководствовались при принятии решений волостные суды. Нормы обычного права, вследствие локальных традиций и особенностей, обладали столь широкой вариативностью, что невозможна какая-либо нивелировка таких многообразных явлений. Это положение отражено в поговорке: «Что город, то норы, что деревня, то обычай». Несмотря на то, что можно выделить общие черты в обычном праве, региональные отличия были весьма значительны даже в пределах одной губернии. Это позволяет говорить о народных юридических обычаях того или другого региона. Применение гражданских законов затруднялось неграмотностью и неразвитостью крестьян. Многообразие положений обычного права нередко способствовало принятию судами совершенно произвольных решений, которые не мотивировались никакими обычаями⁸. Положение усугублялось существованием еще и третьего «законодательства», игнорировать которое было бы неверным. Во всех волостных делах исключительно велика была роль волостного писаря. Вот сообщения корреспондентов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева: «Старшина является скорее номинально властью, а фактически властью управляет писарь, в его же руках находится и судебная власть» (Солигаличский уезд Костромской губ.)⁹. Писарь «есть первое в волости действующее лицо» (Корчевский уезд Тверской губ.)¹⁰; «Писарь

– князек волости» (Жиздринский уезд Калужской губ.)¹¹; «Волостной писарь официально заведует делами чисто канцелярскими, но фактически в своем лице он совмещает все волостное правление, начиная со старшины и кончая судьями» (Калужский уезд Калужской губ.)¹². Число таких свидетельств легко умножить, писари были настоящей «язвой» волостных судов. Им было нетрудно, пользуясь недобросовестными приемами, повернуть дело в нужную сторону. При этом они часто апеллировали к местным обычаям – решение в суде могло приниматься на их основе. Причем ни сами крестьяне, ни их отцы и деды о существовании этого обычая не подозревали, да и не могли о нем ничего знать, поскольку данный обычай существовал только в фантазии волостного писаря. Например, крестьянин Трифонов просил взыскать с вдовы Надежды Петровой 7 р. Петрова объяснила, что эти деньги должен был Трифонову ее покойный муж, наследниками которого являлись она сама и ее дети. Решение суда было следующим: «По нашему местному крестьянскому обычаю постановили: в просьбе Трифонову отказать». Наоборот, по обычаю наследники должны были уплатить долг умершего, «чтобы кости в могиле не шевелить» (Череповецкий уезд Новгородской губ.)¹³.

В основе народных юридических обычаев лежали фундаментальные, глубинные представления крестьянского мировоззрения. Труд на земле признавался крестьянским социумом как единственный и справедливый источник собственности. Такой взгляд последовательно переносился и на продукты труда, к ним повсеместно относились почти с религиозным уважением – от Русского Севера до южных рубежей, населенных казаками¹⁴. Важнейшее значение имело и то, кто был получателем земельного надела, нес экономическую ответственность – платил подати, кроме того, выполнял работы, требовавшие значительных физических усилий.

Кроме экономических оснований, обычное право фундировало этические представления – принципы справедливости в крестьянском понимании. Обычное право не следует считать чем-то застывшим и неиз-

⁷ Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Т. 2. Семейное право, наследство и опека. СПб., 1879. С. 250.

⁸ Калачов Н.В. Об отношении юридических обычаев к законодательству // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. VIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. С. 5.

⁹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (Далее – РКЖБН). Т. 1. СПб., 2004. С. 313.

¹⁰ Там же. С. 510.

¹¹ РКЖБН. Т. 3. СПб., 2005. С. 28.

¹² Там же. С. 216.

¹³ Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Второе изд. М., 2011. С. 179-180.

¹⁴ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Второе изд. М., 2011. С. 143.

менным, всякий новый элемент, входящий в жизнь народа, обретал в нем свое отражение¹⁵. Главенство мужчины в экономическом отношении нашло отражение в различии правового и социального положения мужчины и женщины.

Многие формулы обычного права можно свести к лаконичным выражениям, вошедшим в пословицы и поговорки: должен – плати, не должен – не плати; чужого не бери, а своего не упускай; нанялся – продался, отжился – выкупился и т.п. Во многом эти положения совпадали со взглядами гражданских законов. Местными обычаями при принятии решений нередко руководствовались волостные суды¹⁶.

Перейдем к вопросу о наследственных правах вдовы. Сложность и неоднородность этого вопроса явились следствием не только многообразия локальных традиций, к этому еще примешивалось множество факторов, обусловленных особенностями конкретной крестьянской семьи. С.В. Пахман указывал, что ни по одному вопросу наследственного права нет в решениях волостных судов и показаниях крестьян столь обильного материала, как по вопросу о правах наследования вдовы¹⁷. Женщины обладали вполне определенными правами. У них имелось свое отдельное имущество, чего не полагалось мужчинам. Это было приданое, сундук, ключи от которого хранились у женщин. Неприкосновенность приданого была установлена обычаями и охранялась общиной. Кроме того, за женщинами признавалось право на деньги за проданные грибы, ягоды, иногда за яйца и птицу¹⁸. Какие факторы влияли на права наследования? Во-первых, следовало различать, была это большая неразделенная семья (родители мужа, его взрослые братья с их семьями), которая вела общее хозяйство, или это была разделенная семья. Далее, большое значение имело наличие у вдовы детей, их пол и возраст. Сюда надо добавить взаимоотношения в семье, характер самой вдовы, ее поведение и репутацию, отношение к ней со стороны общины, как долго продолжался брак и ряд других факторов.

Брачно-семейные отношения были системообразующими для всего крестьянского общества, женщина

являлась его полноценным членом только при наличии у нее детей. Данный тезис представлял фундаментальное положение крестьянского миропонимания. Поэтому вдова, имевшая детей, и бездетная вдова в глазах крестьянского мира существенно различались. Конечно, этот фактор не был абсолютно доминирующим, на него накладывались другие факторы и местные обычаи, что делало картину сложной и расплывчатой.

На одном полюсе находились те случаи, когда бездетная вдова в большой неразделенной семье ничего не получала из наследства мужа, ей отдавалась ее собственная одежда и ее «коробье», то, что осталось от приданого, а также небольшая доля имущества, часто присуждавшаяся по суду (Тверская, Смоленская, Калужская, Костромская, Казанская, Тамбовская, Московская, Ярославская, Самарская, Саратовская, Вологодская губ.)¹⁹. Хотя статус вдовы и считался ущербным, вдова являлась членом общины и на нее распространялись некоторые социальные гарантии для получения средств на существование. Повсеместно было распространено правило, что бездетная вдова могла остаться в доме свекра, а он должен был ее кормить (Ярославская, Калужская, Тамбовская, Московская губ.)²⁰. Во многих случаях бездетная вдова могла претендовать на участие в наследстве мужа. Она получала или точно определенную часть, или часть, в зависимости от наличия других наследников (например, равную часть с братьями умершего мужа), или какую-либо часть по соглашению с другими наследниками, или же то, что было утверждено общиной и судом. При этом обращалось внимание на продолжительность брака, ее поведение, какая она хозяйка и т.п. Размер получаемого вдовой имущества колебался в ши-

¹⁹ См.: Пахман С.В. Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XVIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 77; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1 (Тамбовская губ. Раненбургский уезд Рязанской губ.). СПб., 1873. С. 518, 523, 624; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 2 (Владимирская и Московская губ.). СПб., 1873. С. 205, 219; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 3 (Ярославская, Костромская и Семеновский уезд Нижегородской губ.). СПб., 1874. С. 92; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6 (Самарская, Саратовская, Вологодская, Новгородская губ.). СПб., 1874. С. 123, 195, 364, 602.

²⁰ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 213; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 2. С. 182; РКЖБН. Т. 2.1. СПб., 2006. С. 353; РКЖБН. Т. 2.2. СПб., 2006. С. 326; РКЖБН. Т. 3. С. 526.

¹⁵ Ефименко А.Я. Крестьянская женщина // Дело. 1873. № 2. С. 175.

¹⁶ Тенишев В.В. Указ. соч. С. 177.

¹⁷ Пахман С.В. Обычное гражданское право .... С. 249-250.

¹⁸ Матвеев П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. VIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. С. 22, 26.

роких пределах. Это могла быть часть дома или келья, а также что-то на пропитание (Нижегородская, Московская, Вологодская, Пензенская, Ярославская, Самарская губ.)²¹. Часто вдова имела право на 1/7 движимого имущества и 1/14 часть недвижимого имущества (Калужская, Саратовская, Вологодская, Новгородская губ.)²² и т.п. Иногда бездетная вдова наследовала все имущество мужа, кроме земли, которая переходила к кому-нибудь из родственников мужа, бравшего на себя обязательство платить подати (Костромская, Тамбовская губ.)²³. Вообще сельское общество строго следило за тем, чтобы переделы земли не влекли за собой неуплату податей. Например, вдова, оставшаяся с тремя дочерьми пяти, девяти и тринадцати лет, не получила надела, т.к. за покойным мужем имелась недоимка 40 р. Избы у нее не было, поэтому она вынуждена была побираться по миру (Солигаличский уезд Костромской губ.)²⁴.

Вдова, имевшая детей, могла претендовать на большее участие в наследстве мужа, чем бездетная вдова. В этом отражалось различие в социальном положении двух категорий вдов. Женщина, имевшая детей, считалась выполнившей свое предназначение как женщина-мать, и в глазах крестьянского социума имела более высокий статус. Вдова могла быть полностью отстранена от наследства, в особенности, если среди детей преобладали сыновья. Наследниками признавались дети, и положение матери зависело от их воли. Дети могли выдворить мать из дома, тогда она была вынуждена побираться. «Дети прогонят ее и тогда она должна ходить по миру», – сообщает корреспондент из Тамбовской губ. (Тамбовская губ.)²⁵. Одним из основных положений крестьянского мировоззрения являлась обязанность детей заботиться о престарелых

родителях, поэтому приведенный случай относился к исключительным. Описаны ситуации, когда за непочтение к матери сын получал 20 розог и приговор обязывал его не сметь выгонять мать из дома (Можайский уезд Московской губ., Ярославский уезд Ярославской губ.)²⁶. Точно так же суд обязывал свекра принять сноху в дом, если он ее выгнал (Московская, Саратовская губ.)²⁷. Строить для матери-вдовы отдельную келью (домик) и обеспечивать ей пропитание, если она хотела жить отдельно или не уживалась с детьми или с другими женщинами в доме, было весьма распространенным явлением в Тверской, Ярославской, Вологодской, Тамбовской, Саратовской, Московской, Смоленской, Новгородской губерниях²⁸. Вдова могла получать часть наследства, величина которой не была точно установлена и колебалась от 1/7 до всего имущества умершего мужа. При распределении наследства, например, в Тамбовской, Костромской, Тверской, Самарской, Ярославской, Новгородской, Саратовской, Калужской, Вологодской губерниях принимались во внимание возраст вдовы (молодая получала меньше, так как она еще могла выйти замуж), продолжительность брака, ее поведение и другие факторы²⁹. Отмечен случай, когда для определения доли наследства, причитающейся вдове, судьи обращались к волостному писарю (Семеновский уезд Нижегородской губ.)³⁰.

В разделенных семьях жена после смерти мужа часто становилась главой семейства. При малолетних детях вдова сама вела хозяйство и распоряжалась имуществом. Если она была достаточно энергична и обладала твердым характером, то являлась полной хозяйкой в доме даже при совершеннолетних сыновьях. Другой крайний случай – вдова уже не вникала ни в какие дела, даже в домашнем быту ее заменяли невест-

²¹ См.: РКЖБН. Т. 4. СПб., 2006. С. 136; Записки РГО по отделению этнографии. Т. XVIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 324; Труды комиссии ... Т. 6. С. 297, 679; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 7. СПб., 1874. С. 396; Пахман С.В. Обычное гражданское право ... С. 262-263.

²² Пахман С.В. Обычное гражданское право ... С. 263; Труды комиссии ... Т. 6. С. 352, 703; Шеин В.П. Указ. соч. С. 149. Пахман С.В. Обычное гражданское право ... С. 263; Труды комиссии ... Т. 6. С. 352, 703; РКЖБН. Т. 3. С. 68, 295; РКЖБН. Т. 5. Ч. 2. СПб., 2007. С. 285.

²³ Записки РГО... С. 323; Труды комиссии ... Т. 1. С. 213, 624, 695; Пахман С.В. Обычное гражданское право ... С. 263.

²⁴ РКЖБН. Т. 1. С. 345.

²⁵ Труды комиссии ... Т. 1. С. 59.

²⁶ Труды комиссии ... Т. 2. С. 290; Труды комиссии ... Т. 3. С. 23.

²⁷ Труды комиссии ... Т. 2. С. 95; Труды комиссии ... Т. 6. С. 315.

²⁸ РКЖБН. Т. 1. С. 448; РКЖБН. Т. 2.1. С. 342; РКЖБН. Т. 2.2. С. 100; РКЖБН. Т. 5.2. С. 272; Д.И. Заметки о крестьянской семье Новгородской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XVIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 272; Труды комиссии ... Т. 1. С. 579, 624, 676; Труды комиссии ... Т. 2. С. 382; Труды комиссии ... Т. 3. С. 536.

²⁹ Пахман С.В. Обычное гражданское право ... С. 253-256; Труды комиссии ... Т. 6. С. 48, 648; Труды комиссии ... Т. 7. С. 500; РКЖБН. Т. 1. С. 293, 450, 452; РКЖБН. Т. 2.1. С. 353.

³⁰ Труды комиссии ... Т. 3. С. 449.

ки и золовки. Однако в большинстве случаев реализовывались какие-либо промежуточные варианты. При разделе мать-вдова оставалась большухой в семье одного из сыновей, но хозяином был уже сын, а не она. Вдова, являвшаяся главой разделенной семьи и хозяйкой в доме, кроме имущества мужа, могла получить надел на землю, но уже не себе лично, а на имя детей. На них же она получала от свекра причитающуюся долю имущества умершего мужа. Вдовы – главы семей – принимали участие на сходах общины как самостоятельные хозяйки крестьянского двора (Тверская, Ярославская, Калужская, Нижегородская, Архангельская губ.)³¹. В некоторых местностях был велик авторитет вдовы в семье, и он сдерживал сыновей от раздела. Например, в Архангельской губ., как утверждает П.С. Ефименко, «клятва матери в этом смысле очень сильна: боясь ее, дети, пока не вынудят у матери согласия, не решаются делиться»³². Встав во главе семьи, женщина-вдова порой сама становилась хранительницей патриархальных порядков. Такой характерный пример приводит А.Я. Ефименко по Вологодской губ. Вдова, оставшаяся с малолетними сыновьями, пригласила отставного солдата, родственника ее покойного мужа, жить в ее доме и помогать ей. Подросли дети, она женила старшего сына. Не все заладилось, невестка отказывалась стирать белье солдата. Мать велела старшему сыну нарубить розог и принести ей. Затем она его высекла, приговаривая: «Учи жену, не давай ей воли!», после него досталось и младшему: «Не бери такой жены, которая будет меня попрекать!». После этого старший сын вместе с братом высекли жену за неуважение к старшим³³.

В такой неопределенности наследственных прав вдов отражался переходный характер модернизационных процессов в пореформенный период, когда подмывались нормы обычного права и делались шаги в сторону рассмотрения дела на основе российского законодательства. О переходности говорят и источники, указывая, что раздел наследства по обычному праву становился реже, во многих случаях он происходил по взаимному соглашению и в сознании

народа все больше входили гражданские законы³⁴. В качестве примера можно привести случай, когда бездетная вдова Анна Федорова предложила главному наследнику умершего, его племяннику Ерофею Степанову, всю землю взамен наследства дяди. Племянник согласился. Был составлен акт передачи, который утвердила Казенная палата. Вся земля осталась за Ерофеем Степановым, остальное имущество отошло к Анне Федоровой (Ярославская губ.)³⁵. Этот факт следует рассматривать как намечающуюся тенденцию, но утверждать, что обычное право в значительной степени отходило в прошлое, было бы неверным. Характерным явлением было функционирование так называемого суда стариков, который, как правило, принимал сторону обиженных. Приведем пример. Невестка и внук дурно обращались со старухой-вдовой, ее сын за нее не вступался. Изба, в которой жила семья, принадлежала вдове. Суд решил выгнать семью сына, и он был вынужден построить себе отдельную избу (дер. Архангельское Орловского уезда Орловской губ.)³⁶. Обычное право еще сохраняло свои позиции. Интересный случай приводит В.В. Тенишев. При разборе в волостном суде о наследстве возник спор, кому выдать имущество умершего солдата. Дома у него остались отец, мать, жена и ребенок. Жена скоро вышла замуж, взяв с собой ребенка. На наследство претендовал отец, а жена умершего утверждала, что наследником должен быть ребенок. Волостной суд на основании российского законодательства присудил наследство малолетнему ребенку – наперекор крестьянскому обычаю. Но уездный суд объявил, что необязательно руководствоваться гражданскими законами и при втором слушании на основании местных обычаев решил дело в пользу отца умершего (Алатырский уезд Симбирской губ.)³⁷.

Следует отметить, что крестьяне всячески старались избежать судебного разбирательства. Нам сегодня даже трудно представить, насколько процедура суда порой сильно задевала чувствительные струны традиционного крестьянского мировосприятия. Так, в большой неразделенной семье, глава которой носил имя Софрон, одна из вдов решила отделиться. Она осталась недовольна долей имущества, которую

³¹ РКЖБН. Т. 1. С. 446; РКЖБН. Т. 2.1. С. 25, 342; РКЖБН. Т. 2.2. С. 323, 337; РКЖБН. Т. 3. С. 286, 295; РКЖБН. Т. 4. С. 114; *Ефименко П.С.* Народные юридические обычаи Архангельской губернии. М., 2009. С. 58.

³² *Ефименко П.С.* Народные юридические обычаи ... С. 66.

³³ *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. С. 83-84.

³⁴ РКЖБН. Т. 2.1. С. 354.

³⁵ РКЖБН. Т. 2.2. С. 51.

³⁶ *Тенишев В.В.* Указ. соч. С. 65.

³⁷ Там же. С. 178-179.

ей выделили, и подала в суд. Мировой судья посчитал жалобу обоснованной и приговорил Софрона к трехмесячному заключению. Приговор так подействовал на Софрона, что он помешался (Курский уезд Курской губ.)³⁸. Но вот другая противоположность, указывающая на ростки нового самосознания. Малолетние дети сами подавали жалобы в суд, отстаивая свои права, и зачастую выигрывали дела (Нижегородская губ.)³⁹.

Ненормальность анахронизма традиционных взглядов в вопросах наследования вдов весьма показательна в словах одного мирового судьи: «Здравый ум крестьянина никак не поймет, почему бездетная вдова его, прожившая с ним 30 лет в замужестве, получает после его смерти 1/7 недвижимого и 1/4 движимого, вместе нажитого, или, говоря проще, благодаря ей нажитого ими имущества»⁴⁰. Юристы признавали, что «из всех законодательств цивилизованных народов нет ни одного, в котором бы женщина находилась относительно права законного наследования, как в нашем отечестве»⁴¹.

В вопросах наследования вдов отчетливо проявляются гендерные аспекты. В самом деле, если вдова оставалась с одними дочерьми, она приравнивалась к бездетной, и ее права на наследство определялись местными традициями. Если вдову не допускали к участию в разделе наследства, ничего не доставалось ни ей самой, ни ее дочерям. В случае, когда вдова не отстранялась полностью от наследства, она с дочерьми могла получить часть имущества лишь на правах бездетной, о чем свидетельствуют многочисленные материалы волостных судов (Тамбовская, Московская губ.)⁴².

Автор стремился показать на анализе имущественного положения женщины-крестьянки, как сложная система представлений о вдовстве (порой не цельная, непоследовательная, содержащая разнородные элементы, которые входили в противоречие друг с другом) служила сохранению традиционного сознания, усвоению патриархальных норм в отношении к дан-

ной категории женщин, воспроизводимых в процессе социального воспитания из поколения в поколение. Очевидно, что в любом обществе в процессе его развития происходят изменения модели правового статуса членов социума, соответствующих изменению в самих общественных отношениях. Казалось бы, в стремительно развивавшейся экономически пореформенной России повседневность деревни должна была оказаться более «подвижной» в социальном смысле. Но этого не произошло. Изменения были, но были малоприметными.

Библиография:

1. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897-1959 гг. М.-Тула, 2009.
2. Д.И. Заметки о крестьянской семье Новгородской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XVIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 261-274.
3. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Второе изд. М., 2011.
4. Ефименко А.Я. Крестьянская женщина // Дело. 1873. № 2. С. 173-206.
5. Ефименко П.С. Народные юридические обычаи Архангельской губернии. М., 2009.
6. Записки РГО по отделению этнографии. Т. XVIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900.
7. Калачов Н.В. Об отношении юридических обычаев к законодательству // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. VIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. С. 3-11.
8. Матвеев П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. VIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. С. 12-46.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000.
10. Население империи по переписи 28 января 1897 года. СПб., 1897.
11. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Т. 2. Семейное право, наследство и опека. СПб., 1879.
12. Пахман С.В. Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XVIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 51-96.

³⁸ Самоквасов Д. Семейная община в Курском уезде // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. VIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. С. 13.

³⁹ Пахман С.В. Обычное гражданское право ... С. 382.

⁴⁰ Там же. С. 255.

⁴¹ Шашков С.С. История русской женщины. Третье изд. М., 2011. С. 265.

⁴² Труды комиссии ... Т. 1. С. 224, 235, 242, 254, 262, 280, 286, 294, 299, 606; Труды комиссии ... Т. 2. С. 603.

Политика и общество 3 (99) • 2013

13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Л. Ярославская губерния. 1904.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXIX. Орловская губерния. 1904.
15. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН): Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004.
16. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб., 2006.
17. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т.2: Ярославская губ. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Борисоглебский уезды. СПб., 2006.
18. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губ. СПб., 2005.
19. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 4: Нижегородская губ. СПб., 2006.
20. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 2: Кадниковский уезд. СПб., 2007.
21. Самоквасов Д. Семейная община в Курском уезде // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. VIII. Сборник народн. юридических обычаев. Т. 1. С. 11-15.
22. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Второе изд. М., 2011.
23. Трубочев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 2006.
24. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1 (Гамбовская губ. и Раненбургский уезд Рязанской губ.). СПб., 1873.
25. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 2 (Владимирская и Московская губ.). СПб., 1873.
26. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 3 (Ярославская, Костромская и Семеновский уезд Нижегородской губ.). СПб., 1874.
27. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6 (Самарская, Саратовская, Вологодская, Новгородская губ.). СПб., 1874.
28. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 7. СПб., 1874.
29. Шашков С.С. История русской женщины. Третье изд. М., 2011.
30. Шейн В.П. Очерки народно-обычного права Вологодской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XVIII. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 119-204.

References (transliteration):

1. Verbitskaya O.M. Rossiyskaya sel'skaya sem'ya v 1897-1959 gg. M.-Tula, 2009.
2. D.I. Zametki o krest'yanskoy sem'e Novgorodskoy gubernii // Zapiski RGO po otdeleniyu etnografii. Т. XVIII. Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev. Т. 2. SPb., 1900. S. 261-274.
3. Efimenko A.Ya. Issledovaniya narodnoy zhizni. Vtoroe izd. M., 2011.
4. Efimenko A.Ya. Krest'yanskaya zhenshchina // Delo. 1873. № 2. S. 173-206.
5. Efimenko P.S. Narodnye yuridicheskie obychai Arkhangel'skoy gubernii. M., 2009.
6. Kalachov N.V. Ob otnoshenii yuridicheskikh obychaev k zakonodatel'stvu // Zapiski IRGO po otd. etnografii. Т. VIII. Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev. Т. 1. S. 3-11.
7. Matveev P.A. Ocherki narodnogo yuridicheskogo byta Samarskoy gubernii // Zapiski IRGO po otd. etnografii. Т. VIII. Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev. Т. 1. S. 12-46.
8. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii. Т. 1. SPb., 2000.
9. Pakhman S.V. Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii. Т. 2. Semeynoe pravo, nasledstvo i opeka. SPb., 1879.
10. Pakhman S.V. Ocherk narodnykh yuridicheskikh obychaev Smolenskoy gubernii // Zapiski RGO po otdeleniyu etnografii. Т. XVIII. Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev. Т. 2. SPb., 1900. S. 51-96.
11. Samokvasov D. Semeynaya obshchina v Kurskom uезде // Zapiski IRGO po otd. etnografii. Т. VIII. Sbornik narodn. yuridicheskikh obychaev. Т. 1. S. 11-15.
12. Tenishev V.V. Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu. Vtoroe izd. M., 2011.

13. Trubachev O.N. Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya. M., 2006.
14. Shashkov S.S. Istoriya russkoy zhenshchiny. Tret'e izd. M., 2011.
15. Shein V.P. Ocherki narodno-obychnogo prava Vologodskoy gubernii // Zapiski RGO po otdeleniyu etnografii. T. XVIII. Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev. T. 2. SPb., 1900. S. 119-204.